

Юрий Баранов
А Китеж всё-таки
всплывёт!

Юрий Константинович Баранов А Китеж всё-таки всплывёт!

Серия «Академия поэзии.
Поэтическая библиотека России»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39416552

*Баранов Ю. К. А Китеж всё-таки всплывёт! Стихотворения: ИПО «У
Никитских ворот»; Москва; 2018
ISBN 978-5-00095-622-9*

Аннотация

Баранов Юрий Константинович – коренной москвич, родился в 1933 г. (малая родина – Патриаршие Пруды). По базовому образованию – радиоинженер. Двенадцать лет проработал в оборонной сфере СССР и полвека – в советской/российской журналистике (последние семь лет – в «Литературной газете»). Автор восьми стихотворных сборников и двенадцати книг прозы и публицистики. Член Союза писателей России, избирался его секретарём. Активный участник международного славянского движения, переводил с белорусского, польского, сербского, болгарского, чешского, а также с бурятского и английского. Избранное составило трёхтомник «Русские хроники», отмеченный Московской городской организацией СПР литературно-общественной премией «Лучшая книга 2012–2014» и медалью «Литературный Олимп», а также XIII Артиадой

народов России – почётным званием лауреата «За преданность литературе и художественное осмысление исторического пути России в стихах и прозе».

Содержание

Мне крупно повезло	7
5-й пункт – русский	20
Подводя итоги	20
По возвращении с Запада	22
Цвета русского знамени	23
Сугубо личный опыт	24
На нашей улице	26
"Пиджак влетел в немалую копейку..."	27
Верую	29
Ниночка, помнишь?	31
Мы, славянские поэты	32
Перекличка с чешским собратом по перу	34
Ирине Маландиной	38
Московиты	40
Из набросков автобиографии	42
Русский поймёт	47
В турпоходе	48
Ныне царствующей королеве русского романса Ирине Крутовой	49
Сон в Единой Европе	51
Чудо на «бис»	52
Двое	53
Вариация на тему Николая Рубцова	55

"Не довелось, я никогда не жил..."	57
Автопародия	59
Развесёлый триптих	61
Рай	64
Воспоминание о встрече с великим драматургом	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Юрий Баранов А Китеж всё- таки всплывёт!

© Академия поэзии, серия, 2018

© Баранов Ю. К., 2018

© Оформление. ИПО «У Никитских ворот», 2018

Мне крупно повезло

О чём писать – на то не наша воля.

Николай Рубцов

Моё начальное поэтическое формирование прошло ещё в сталинской России (СССР). А о тех временах я могу судить с полным правом. Мне было восемь лет, когда началась Великая Отечественная война, двадцать – когда умер Иосиф Виссарионович Сталин, пятьдесят восемь – когда покончил самоубийством Советский Союз. Сейчас много пишут о том, что-де суровые ограничения и железный занавес держали пишущую братию чуть ли не в темноте невежества. Это полная ерунда. Конечно, определённые ограничения были, но не они определяли широту нашего кругозора. Во времена моей молодости из крупнейших русских поэтов для массового читателя были закрыты, пожалуй, только Николай Гумилёв, Николай Клюев и Павел Васильев. Некоторые, далеко не все, склонны относить к этой категории и Осипа Мандельштама. Кстати, по случайному стечению обстоятельств лично мне Клюев был доступен – знакомая семья владела зачитанным томом великого страдальца. Конечно, практически широкой публике (а я относился к ней – наша семья не имела связей с заграницей) оставалась неизвестной поэзия русского зарубежья. Но скажем честно – не такая уж это большая

потеря, если не считать блистательного Георгия Иванова и его друга Георгия Адамовича.

В старших классах школы (которую я окончил в 1950 году) и в студенческие годы я очень много читал, и стихов – в особенности. Тут надо напомнить (не уверен, что всем молодым читателям это известно) о существовании в СССР всеохватывающей сети библиотек, в том числе школьных. И они регулярно пополнялись новыми изданиями, а издавалось много – и очень большими тиражами, зачастую огромными. В моей личной библиотеке сохранились три толстых крупноформатных тома, купленных в то золотое время – Александр Блок (1946 год, 25 000 экземпляров), И. С. Тургенев (1946 год) и И. А. Гончаров (1948 год) по 100 000 экземпляров. Бумага неважная, обложка, хотя и твёрдая, обтянута скромной тканью (Блок) или просто бумагой (Тургенев и Гончаров), но – это же в разорённой войной стране! Добавлю, что и цены на книги были вполне доступными.

Да, возможности читать хорошие книги были тогда очень большими. Чуть ли не каждый день в читальном зале Ленинской библиотеки или у кого-то в гостях я совершал открытия – русская поэзия невероятно богата и советская переводческая школа была просто великолепной. Некоторые знакомства с новыми именами происходили, можно сказать, «в ошеломляющем режиме». Хорошо помню первую встречу с Сергеем Есениным. Она случилась, насколько помнится, в девятом классе, осенью 1948 года. Мой одноклассник и

друг Юрий Мамлеев (будущий знаменитый писатель) прочитал мне неведомый дотоле шедевр «Грубым даётся радость, / Нежным даётся печаль...» и я испытал форменное потрясение. Подобное я испытал, когда в Ленинской библиотеке впервые прочитал «Пепел» Андрея Белого – великий поэт захватил меня с первых же строк —

*Довольно, не жди, не надейся,
Рассейся, мой бедный народ,
В пространство пади и разбейся
За годом мучительный год...*

Понятно, переводных стихов я читал меньше, выделял А. Э. Хаусмэна, которого называли «английским Есениным», и, конечно, Франсуа Вийона. Я рано понял, что, пожалуй, вся европейская поэзия вышла из его гениальной «Баллады поэтического состязания в Блуа» (1458 год), исходная строка которого («От жажды умираю над ручьём») была предложена организатором праздника герцогом Карлом Орлеанским. И ещё «в ошеломляющем режиме» произошла моя встреча с чилийцем Пабло Нерудой. Это было немного позже, в мои двадцать два года. Тогда я, инженер-связист, работал на подмосковном радиоцентре, занимался глушением враждебных «голосов». Однажды ночью, в метель, звонит мне из Москвы мой друг Анатолий Чиликин и говорит: «Послушайка стихи, которые наверняка тебе понравятся —

*Утро, полное бурь, в разгаре лета,
Облака, как белые платочки расставания,
Ими размахивает путник-ветер,
И сердце ветра колотится
Над нашим молчаньем любви...
Тревога лоцмана, ярость ослепшего водолаза,
Угрюмый восторг любви —
Всё в тебе затонуло...
Время идти. Это час холодный и жёсткий.
Я брошен, как причал на рассвете,
Я брошен тобою.*

С той снежной ночи 1955 года прошло много лет, но я помню наизусть этот шедевр. Как говорится в анекдоте, вы будете смеяться, но я никогда не видел его напечатанным, так что, возможно какие-то слова или строки выпали из памяти. И – я не знаю, кто переводчик; мне почему-то кажется – Илья Эренбург.

Что касается «восточной» поэзии, то меня, конечно, сразу покори́л Омар Хайям. Я читаю его всю жизнь, иногда балуюсь шуточными подражаниями «поэту поэтов». Одно из них даже публиковал:

*Вчера я водки выпил триста грамм,
Сегодня тоже выпью триста грамм;
А что не пить? Вот завтра в крематорий
Свезут, и всё. Лишь пепла триста грамм.*

Сразу же полюбил я туркменского классика Махтум-Кули, к сожалению, не особенно популярного у нас. И ещё отдельно отмечу восхищение пастернаковским переводом шедевра армянского поэта Аветика Исаакяна:

*Душа – перелётная бедная птица
Со сломанным бурей крылом,
А дождь без конца и в пути ни крупницы
И тьма впереди и в былом...*

Большой интерес испытывали мы к японской поэзии – столь непохожей на нашу, но у которой можно было многому поучиться, прежде всего краткости. Помню, какое – не боюсь повторить – ошеломляющее впечатление произвело на меня хокку средневекового поэта Тиёни:

*За ночь выюнок обвился
Вкруг бадьи моего колодца...
У соседа воды возьму!*

Всего в трёх строках целый мир – и хозяин колодца, восхищённый хрупкой красотой растения и не решающийся её порушить, и уверенность в том, что сосед, тоже добрый человек, поймёт его.

Разумеется, прежде всего и больше всего мы читали отечественных авторов. Ни в какие «суровые», «тоталитарные» времена никто не ограничивал доступ к основам литератур-

ных знаний русского читателя поэзии – к Пушкину и Тютчеву, Некрасову и Блоку, Лермонтову и Алексею К. Толстому и др. И – к Есенину, о котором нужно сказать особо. В наше время разнузданной «свободы» много раз приходилось читать о том, что Есенин якобы был «запрещён». Это либо злонамеренная ложь, либо ложь по малограмотности. Есенина не запрещали, не изымали из библиотек и букинистических магазинов, хотя, возможно, где-то «проявляли инициативу» особо ретивые «товарищи», горячие поклонники Демьянов Бедных и Безыменских, скрытые идейные наследники Троцкого. Они ведь не могли простить великому русскому поэту, что в пьесе «Страна негодяев» он вывел Троцкого под шутовским именем комиссар Чекистов, гражданин из Веймара, он же Лейбман из Могилёва. Не забудем и то, что читатели тех десятилетий хорошо помнили тезис Троцкого – «Что есть наша революция, как не бешеное восстание против крестьянского корня?!» Крестьянские корни были у подавляющего большинства жителей России, а первым певцом русской деревни бесспорно был Есенин.

Разумеется, в Москве дела обстояли получше, чем в некоторых других городах. Лично я купил сборник Есенина в магазине, брал в библиотеке разные издания, наша учительница литературы Тамара Константиновна Кадьмова (царство ей небесное!) рассказывала нам о нём, декламировала наизусть его стихи, рекомендовала постоянно читать их и обязательно иметь в домашней библиотеке. Ходил я не раз и

на могилу Есенина на Ваганьковском кладбище – ещё на ту, старую, скромную. Собирались там поклонники поэта, в основном пожилые и средних лет мужики, явно не из литературных кругов. Читали по кругу стихи, толковали, пили водку. Мы, юнцы, стояли за их спинами. Однажды чтец сбился, и я ему подсказал. Окончив читать, он похвалил меня и налил полстакана водки. Это был мой первый «литературный гонорар».

Позднее, а точнее весной 1956 года мы с женой пошли «на Лубянку», узнавать о судьбе её отца, осуждённого по 58-й статье «на 10 лет без права переписки» (не все же знали, что этот эвфемизм означал «расстрел»). В приемной, полной народу, стоял длинный деревянный стол, изрезанный ножами. Среди надписей выделялись есенинские строки:

*Много в России троп,
Что ни тропа, то гроб,
Что ни верста – то крест,
До енисейских мест —
Шесть тысяч один сугроб.*

Всё это я говорю к тому, чтобы молодые поняли – Сергея Есенина русский народ знал, читал и любил всегда, вопли полуграмотных литературных дамочек о запрете – ничего не стоят.

Много лет спустя, уже в горбачёвщину водил я знакомство с ныне покойным американским дипломатом Грегори

Гуровом, советологом, хорошо знавшим наш язык (газета «Правда» однажды назвала его агентом ЦРУ, но об этом, мы, естественно, никогда не говорили). Несколько лет он собирал статистику, задавая знакомым и случайным собеседникам один вопрос: «Кто первый русский поэт XX века?» Он рассказывал, что итоги его поразили: две трети опрошенных назвали Есенина, одна треть – Блока. Я заметил ему, что результат вполне ожидаемый и явно отражает реальные симпатии русских людей. На это американец сказал: вот это и вызывает моё недоумение – неужели никто не понимает, что первый – Мандельштам?!

Правда, он добавил важные в данном случае слова, говорящие о его честности: возможно, сказал он, я чего-то не понимаю, потому что никогда не бывал в русской деревне и понятия не имею о взглядах её обитателей. Из политкорректности я не высказал предположения, что, может быть, такое мнение связано с его происхождением (это был человек с еврейскими корнями). Но это всё же иностранец, а «наши» литературные дамочки (впрочем, и либеральные мужчины тоже)? Помню, например, как в литературном приложении к «Независимой газете» некто Ян Шенкман написал в связи со смертью Бродского – «Третья любовь России» (первые две – Пушкин и Блок). Есенина для безродных космополитов не существует. Много было подобных публикаций. Да и сейчас антиесенинские вылазки продолжаются, вспомним хотя бы одиозную Ирину Петровскую.

Да и не только её. Как-то в Театральном музее имени Бахрушина довелось мне слышать выступление «литературной дамочки» Нонны Голиковой, написавшей пьесу о Есенине. Удивили её слова о том, что пьесу она написала за три дня (куда там Шекспиру, Шоу или Островскому!). Но главное – она громогласно заявила, что «открыла секрет Есенина» – почему он не стал невозвращенцем, не остался в США, когда был там с Айседорой Дункан. «Оказывается», потому, что тревожился за сестёр – как, мол, они без него проживут. Да, у великого поэта в одном письме есть написанная в запале фраза о том, что в Советской стране так плохо идут дела, что не хочется и возвращаться. Но надо ничегошеньки не понимать в Есенине, чтобы допустить мысль о его отказе от России. В завершение темы скажу, что, по моему глубокому убеждению, государственного запрета на Есенина не было, но было давление антирусских сил. Было и есть, хоть и не такое явное, как в те годы, когда космополитическая сволочь действовала вполне открыто. Когда «культур-гауляйтер» Луначарский способен был увидеть в Есенине лишь «виртуозность слов и порою всякие довольно безвкусные имажинистские выверты и дерзновения», а после убийства великого поэта выступал с докладом «Против есенинщины».

Подводя итоги, отмечу, что, вскормленные классикой, мы (я имею в виду своих ровесников-единомышленников), как мне представляется, разумно встречали появление новых авторов, а позднее – поток недоступной ранее литературы.

Мы радостно приветствовали появление Николая Рубцова и Юрия Кузнецова и не обольщались силиконовыми прелестями Евтушенко и Вознесенского. Точно так же мы не визжали от восторга по поводу стихов Владимира Набокова. Я убеждён, что наше восприятие новинок совершенно нормально и правильно. И мне казалось дикостью, например, когда многие вагоны московского метро украсили рекламные извещения о том, что в России опубликован роман Патрика Зюскинда «Парфюмер»; тоже мне, сенсация, тоже мне, классик мировой литературы...

С годами я пришёл к выводу, что быстрая смена мод или, что то же самое, кумиров очень вредна для литературного процесса. За свою жизнь (которая считается долгой – но в историческом масштабе – тьфу, одно поколение) я помню восхождение и закат многих писателей. И ускорение нарастает, что связано с тем, что на искусство всё больше влияют законы рыночной экономики. Знаю, не один я слышал от знакомых издателей, с иными из которых находишься в приятельских отношениях: твоя книга мне нравится, но продавать её труднее, чем пустышку (дерьмо) (однодневку) N. или X. Шумихи вокруг твоего опуса не поднять, а вокруг их книжек – можно. Всё правильно. Кто сейчас помнит бездарных и лживых «Детей Арбата» Анатолия Рыбакова, а ведь за ними гонялись – и не так давно. Беда ещё и в том, что толстые журналы утратили былое значение, былой авторитет. И в том, что утратили значение литературные премии,

которые теперь учреждает и финансирует кто хочешь и кому хочешь присуждает победы. И, наконец, искус Интернета, в котором заправляет иностранное закулирье, активно использующее в качестве наёмников бежавших или откочевавших из России/СССР русскоязычных ненавистников нашей страны и нашей культуры. На какие компасы ориентироваться сейчас молодому читателю?

В задачу краткого предисловия к сборнику не входит панорамная оценка современного состояния русской поэзии. Скажу только, что, на мой взгляд, оно весьма неплохое, весьма высок уровень многих, очень многих стихотворцев. Раздавать ордена и звания и выстраивать иерархию – не моё дело. Скажу только, что мне очень близки такие разные поэты и поэтессы, как Геннадий Красников, Геннадий Иванов, Елена Исаева, недавно ушедший от нас Николай Колычев, Нина Карташёва, Светлана Сырнева, Валерий Хатюшин. Особо хотел бы отметить исключительно талантливого Александра Хабарова – в частности, потому, что он в основном появляется в Сети, а не в бумажных изданиях.

А вопреки традиции назову и одного из ряда неприятных и враждебных мне сочинителей. Это Александр Кушнер. Ему всё плохо в моей стране, его раздражают даже названия растений («О, сколько диких слов, / Внушающих тоску», – пишет Кушнер). Неприятны ему и названия русских городов (Томск, Туруханск, Сургут, Салехард, Уренгой, Омск, Усть-Луга); «Даже в Пензе, в Казани / Я обратный билет / Прове-

рял бы в кармане / Петербургский поэт», – пишет он.

Ненависть Кушнера к русским реалиям – принципиальная. Я думаю, национальное самосознание начинается именно с любви к ним. Вспомним, как воспевал имена московских улиц писатель-эмигрант Дон-Аминадо (к слову сказать, соплеменник Кушнера, его настоящее имя Аминадав Пейсахович Шполянский): «...Музыки московских сочетаний на западный бемоль не переложить... Только вслушайся – навек запомнишь! Покровка. Сретенка. Пречистенка. Божедомка. Петровка. Дмитровка. Кисловка. Якиманка... Хамовники. Сыромятники. И Собачья Площадка. И ещё не всё: Швивая горка. Балчуг. Полянка. И Чистые Пруды. И Воронцово Поле... Дорогомилowo... Одно слово чего стоит!.. Большой Козихинский. Малый Козихинский. Никитские Ворота. Патриаршие Пруды. Кудринская, Страстная, Красная площадь. Не география, а симфония!»

Это – сокращённый отрывок из прозы Дон-Аминадо, которую я воспринимаю как чистейшую поэзию. Ну, и у многих авторов, конечно, есть стихи на ту же тему. Первыми на память приходят незабываемые строки Сергея Маркова:

*Знаю я – малиновою ранью
Лебеди летят над Лебедянью,
А в Медьни золотится мёд.
Не скопа ли кружится в Скопине?
А в Серпейске ржавой смерти ждёт
Серп горбатый в дедовском овине...*

Ну, и, конечно, Виктор Боков, с которым мне довелось встречаться лично:

*О, земля моя! Ты – кафедра,
Мне с твоих родных страниц
Открывалась география
Гор и рек, и русских лиц.
В Омске, в Томске, или в Глазове,
Или где-нибудь в Орле
Улыбались кареглазые
Не кому-нибудь, а мне...*

Такие слова моих старших современников я в полной мере могу отнести и к себе. Повезло мне, чего там говорить, крупно повезло. Где человеку со склонностью к стихосложению надо было жить в XX–XXI веке? Конечно, в России, не в Западной же Европе и не в США-Канаде, где поэзия в основном стала филологической игрой. А у нас, слава Богу, ещё кипят нешуточные страсти вплоть до пролития крови – настоящей, а не бутафорского клюквенного сока или – что ещё смешнее – кетчупа.

Юрий Баранов

5-й пункт – русский

Подводя итоги

В таинственных, волшебных городах —
В Санкт-Петербурге, Суздале, Коломне,
В Перми, в Смоленске и в других местах
Бывал – и с благодарностию помню.

Москву, конечно, где я был рождён,
Я исходил бесщётными шагами,
И Ярославлем был я покорён,
И очарован курскими садами.

Деревня Мельниково, городок Ирбит,
Владимир, Пенза, Киев и Саратов,
Рязань и Брянск – никто не позабыт.
Ах, Боже мой, как жизнь была богата!

...И вот сегодня глобус я вращал
(Привязан к дому, старый стал, болею) —
Найду-ка место, где я не бывал
И горестно об этом сожалею.

Нашёл – среди шести материков!
Пусть я не пил ни в Копенгагенах, ни в Ниццах,
Но вот Великий Новгород и Псков
Не видел я – и это не простится.

2018

По возвращении с Запада

Дым в Отечестве – жуть, без фильтрации
И колдобины вместо шоссе.
Политические прокламации
Отвратительны, право же, все.

Демократии пайки – уменьшены,
На зарплату прожить не смогу,
Но прелестные русские женщины
Возникают на каждом шагу.

1999

Цвета русского знамени

Над чёрной вспаханной землёй
В тумане купол золотой.

1997

Сугубо личный опыт

На восток и на запад от центра земли,
Вкось от Пулковской нашей оси
Уносили когда-то меня корабли,
Рассекая небесную синь.

Обжигал и меня экзотический хмель,
Но не так, чтобы сбросить с коня:
Искушения всех чужедальных земель
Безнадёжно слабы для меня.

За Гиссарским хребтом – азиатский дурман,
На Манхэттене – допинг трясёт,
Но меня ленинградский волшебный туман
До того ещё взял в оборот.

В ленинградском тумане двуглавый орёл
Над моей головой воспарил,
Он мне зренье и слух обострил, и повёл,
И прямую дорогу открыл.

Что нам западный допинг, восточный дурман,
Им у нас не бывать в козырях;
Нам болота да снег, нам ковыль да бурьян,
Да сентябрь, что грибами пропах.

И напрасно кичится иной человек,
Что изведаль иные миры:
Ведь гиссарский кинжал и манхэттенский чек
Бесполезны для русской игры.

Манит, манит Жар-птица волшебным пером,
В чащу манит меня за собой;
И причём тут манхэттенский нарко-содом
И причём тут гиссарский разбой?
И не всё ли равно, где бывать довелось,
Если здесь, у опятного пня,
Вылезает наружу Вселенская Ось
И Жар-птицы перо – у меня.

2003

На нашей улице

Идёшь и видишь – вот хороший человек.
Трудыга, верно. Руки все в мозолях
Одет прилично, лишь на голове.
Бейсболка – так у сына ходят в школе.

А вот прозрачно-синие глаза
Старушки, знающей, что жизнь всего мудрее;
Все дочери замужем, а внучка-егоза...
Распишется, родит – и повзрослеет.

За ней идёт собрат мой книгочей,
Да, точно брат – читает то, что надо:
В руках – Есенин, Гёте, Апулей
И никаких тебе маркиз де-Садов.

Хорошие всё люди! А враги,
Раздутые от долларовой спеси?
Здесь, здесь они, да не слышны шаги —
Несутся мимо в чёрном «мерседесе».

"Пиджак влетел в немалую копейку..."

Пиджак влетел в немалую копейку,
Но это – внешние круги;
Моя душа одета в телогрейку,
В резиновые сапоги.

Она идёт российским бездорожьем,
Да хоть бы и по целине;
В любой ненастный день и в день погожий
Она своя в своей стране.

В таком наряде можно лечь на землю
И небесам в глаза взглянуть;
Его мудрец, его пастух приемлет,
С поэтами уж как-нибудь.

А если кто чего, так в душу глянешь
И чётко видишь все дела:
Та чучелом в смешной заморской дряни,
Та неприлична и гола.

У нас ведь как – обычно с третьей рюмки
На стол выкладывают суть,
И всё понятно даже недоумкам,

Поэтому – не обессудь.

А у меня весьма высокий рейтинг,
Друзья признали и враги —
Моя душа одета в телогрейку,
В резиновые сапоги.

2003

Верую

Н. Б.

Пускай зима, снега, морозы,
На озере – метровый лёд,
Звучат печальные прогнозы
Да иностранные угрозы,
Но – Китеж всё-таки всплывёт.

Нам слали столько похоронок
За все прошедшие века!
Писали – при смерти ребёнок,
А слой озоновый так тонок!
Гуд бай, Россия. Всё. Пока.

Нам запрещали то и это,
Учили по-чужому жить,
Давали ложные советы,
Ссылаясь на «авторитеты»:
Нет, нет, не сможет Китеж всплыть.

Из-за границы привозили
Паскуднейших профессоров
И те нам головы дурили,
Мол, миф о Китеже сложили
Агенты вражеских штабов.

Нам географию меняли,
За бред платили гонорар,
Пожар бензином заливали,
Из книг страницы вырывали,
Где было слово Светлояр.

Нам говорили: «Глуповатый
И простоватый вы народ.
Для вас всё кончено, ребята,
Прошли вы точку невозврата».
...Нет, Китеж всё-таки всплывёт!

2018

Ниночка, помнишь?

Березняк, и сосняк, и осинник,
И речушки скрипичный изгиб;
Наюрморт завершает в корзине
Крупный белый ядрёнейший гриб.

Шелест леса, по-русски певучий...
Всё настолько прекрасно вокруг,
Что нельзя ни насколько улучшить
Даже силой божественных рук.

Но – нашлось добавленье к картине
Безупречной, к осенним полям:
Вот сейчас бы да в дымчатой сини
Надо мною лететь журавлям.

Так я думал – и стало мне стыдно:
Впрямь старуха из пушкинских строк —
Всё мне мало и всё мне завидно,
Всё-то мне недовешивал Бог.

Мы, славянские поэты

Славянский мир – не ширь-широко поле,
Не лес да степь и не за далью даль.
Славянский мир – поболе, ох поболе:
От речки Радость до горы Печаль.

Нам в левый бок упёрлись алеуты,
Нам в правый бок упёрлась немчура,
И наши полвсемирные маршруты —
Всего лишь тропки заднего двора.

Вот так однажды друг мой черногорец
что надоел ему Ядран,
И речками приплыл, минуя море,
Ко мне на Ледовитый океан.

У нас ведь что ни день – сплошные сказки,
Нигде подобных сказок больше нет...
А помнишь юность в Чехах, стара ласка?..
Но умолчим, не выдадим секрет.

А как забудешь чары польской пани,
Балтийский ветер в кудрях золотых,
И белорусский лес, и синий снег, и сани,
И голубой платок, и белый стих.

Да, белый стих. Не только, впрочем, белый.
Но всё равно – такое волшебство!
Славянский стих соединит пределы
И выявит всё наше существо.

В мильонный раз докажет: не бывать нам,
Ни Западом, ни Югом не бывать,
И как бы ни ершились мы, но – братья
И друг от друга нам не убежать.

Полмира мы. Да где ещё видали
Такое солнце вы? Нигде такого нет.
И наши дали, дали, дали, дали —
От моря Бедствий до горы Побед.

2014

Перекличка с чешским собратом по перу

Йиржи Жачек

Счастливый человек

Мне с самого начала повезло —
родился в Хомутове я, не в Хиросиме,
и в школу я ходил
в Стреконицах, а не в бандитском Бронксе.
И дальше мне, ей-богу, всё фартило.
Призвали в армию —
и я служил на Эльбе, в Костельце,
а не в Чечне.
А разве не везенье,
что не в Чернобыле детишки родились,
а во Влашиме?
И, слава Богу, не было меня в Нью-Орлеане,
когда свирепый ураган «Катрина»
всё там порушил,
а был я в мирном чешском Фриделанте...
Теперь вы поняли, надеюсь,
насколько я счастливый человек?

Перевод Юрия Баранова

Вариация на тему Йиржи Жачека

Какое счастье, что родился я в России,
Тем более, на Матушке-Москве,
И на чистейшем русском языке
Над колыбельною слова произносили.

Заметьте – без каких-нибудь акцентов
(Потом так трудно вытравить акцент;
Страдает этим не один «интеллигент»,
Особенно из клана диссидентов.)

Какое счастье то, что бабушка читала
Всё больше Пушкина, и в голову мою
Она вливала чистую струю
И хармсами её не засоряла.

Мне повезло: я рос не на Канарских
Вечнозелёных скучных островах,
Во злате осени я рос, в снегах, в цветах —
У нас в России климат щедр по-царски.

А ведь могло бы выпасть мне родиться
Не в центре мира, а сам чёрт не знает где:

В Йокнопатофе, например, в Кабо-Верде,
В Стамбуле, в Эльдорадо или в Ницце.

Я б там не знал, что надо за обедом
Три раза стопочку груздочком закусить,
И за опятами на вырубку сходить,
А про пирог с черёмухой не ведал.

И я б, наверно, равнодушным оставался,
Когда при мне туристы вдруг заговорят
Про Патриаршие Пруды и Летний Сад,
И хором Пятницкого я б не восхищался...

Тогда и Блока я читал бы в переводах,
А уж Есенина совсем не смог понять:
Ведь листопада золотую благодать
Считал бы я простым «явлением природы»...

Во многом я б, наверно, заблуждался;
Подумать страшно, но могло ж быть так:
Будь я вьетнамцем, я бы ел собак,
Будь иудеем – я бы кошек не касался.

Но, слава, Богу, нет! Судьба меня хранила,
Крещён и венчан и прописан был в Москве,
И никогда зверё не бил по голове:
Так нянечка, Есенина не знавшая, учила.

2014

Ирине Маландиной

*Вот идут по аллее, так странно нежны,
Гимназист с гимназисткой, как Дафнис и Хлоя.*

Николай Гумилёв

Ира, ты помнишь Старомонетный
В сорок девятом году?
В конце переулка дымилась Этна,
Порхали в снегах какаду,

Цфасман играл гениальной Шопена;
Вздываясь под потолок,
Читал Маяковский проникновенно
И скромно помалкивал Блок.

За спорами «Лемешев или Козловский?»
С доброй улыбкой следил
Квартирный сосед Пётр Ильич Чайковский,
Он запросто к нам заходил.

Помню, однажды с тобой попрощался,
Пошёл через Каменный мост —
Случайно с Есениным там повстречался...
Ну кто говорит – склероз?!

Видится чётко, во всех деталях
Любимых лиц череда;
Вот скучные рожи куда-то пропали,
Как не было их никогда!

1999

Московиты

С былых времён мы звались московиты
(У нынешних соседей – москали),
Мы – с Волги, с Дона, с Северной Земли,
Мы, на пол-Азии разбросаны, размыты,
Но где б ни жили, всё равно мы – москали.

Американец есть, не «вашингтонец»,
Про англичан никто не говорит
«Эй, лондонцы», и словом «брюсселит»
Бельгийца никогда не назовёт японец,
Но каждый русский, всем известно, – московит.

Точней сказать – все, кто живёт в России,
Ведь московит – «всяк сущий в ней язык».
Проверил это бусурманский штык;
Пред нашей прочностью московской он бессилён,
Хоть разделять и властвовать привык.

Москва насквозь пропитана Россией,
Ну, а Россия вся пропитана Москвой.
Никто не справится с конструкцией такой,
Как на болотах бы враги ни голосили,
Как ни звенели бы заморскою деньгой.

2014

Из набросков автобиографии

Сложилось всё удачно у меня.
Хотя всегда – оговорюсь – был бедным,
До сорока ютился в коммуналках,
Не нажил ни хором, ни дачи, ни машины.
И по бордельным Куршавелям не катался,
И в воровской малине не был, в Лондонграде,
Куда стремятся многие – взглянуть одним глазком
На королеву, что крышует всю братву.

Я никогда не голодал (за вычетом войны)
И не сидел в тюрьме (а несколько приводов
По малолетке и по молодости лет – не криминал).
Болеал, как все, валялся по больницам,
Но рак и спид, и гепатит с туберкулёзом
Меня пока что миновали – тьфу, тьфу, тьфу.
Я даже триппер не хватал ни разу.
Вот видите – во многом мне везло.

А главное – я прожил жизнь в России,
Включая шестьдесят в СССР.

Меня не выслали и не угнали в плен
(В полон, как выражались наши предки).
И в эмиграцию не увезли ребёнком,
А ведь такое и вполне могло бы быть.

Хоть горожанин, знаю и село —
На поле мне работать приходилось
И лошадей гонять в ночное с пацанами.
И даже я один сезон ходил в лаптях,
Всего лишь осень-зиму, но – ходил
(А ты ходил, космополит проклятый?).
И телогрейку я носил четыре года.

Мне перешили в подростковое пальто
Шинельку рваную соседа-офицера,
Но мне она ничуть не помешала
Читать взапой, начать писать, влюбляться
И весь сезон водить в Большой театр
Прелестную подругу-гимназистку
(Обманным образом – был грех – я раздобыл
Абонемент в райкоме комсомола).
То был пятидесятый год, на сцене
Блистали Лемешев, Уланова, Козловский —
Какой расцвет, какие имена!
Старинной музыкой тогда же я увлёкся,
А Гедике, великий органист,
Дарил нам незабвенные концерты...
Сейчас, возможно, это странно прозвучит —
В Консерваторию ходил я на концерты
Певицы Нины Дорлиак и не особо
Соображал, что аккомпаниатор – Рихтер,
Да, Святослав, да, да, тот самый Рихтер;
Простите, я не профессионал...

А вот в поэзии я свой среди своих.
С Есениным и с Блоком мы дружили,

И с Алексеем Константинычем Толстым,
С Андреем Белым были кореша,
И с Брюсовым, да всех не перечислишь...
Но это русские, но это земляки,
А что до иностранцев, то, конечно;
По-бусурмански я не говорю
И вся надежда тут на переводы.
С их помощью бывали чудеса.
Ну, например, я помню, как однажды,
Когда случилась свалка в магазине
За томиком Вийона, в зал вошёл
Сам автор и покрыл французским матом
Всю очередь и вытащил меня
И говорит: «Чтоб этому досталось!
Мой давнишний и верный почитатель,
Когда-то у богатого соседа
Он спёр моих стихов солидный том,
Читал всю ночь, потом переписал,
А после подарил одной подруге.
И, кстати, бабы тут у вас в Москве
Гораздо лучше, чем у нас в Париже,
Но это так, как говорится, а пропос...
Про этого студента – я скажу:
Вот настоящий, подлинный читатель!

Я Карла Орлеанского просил
Позвать его на состязание в Блуа,
Тот согласился, но не вышло дело:
Упёрлись рогом солдафоны НАТО,
Ну что тут, что тут скажешь, мать их так!»

Подобное случалось у меня
С Уитмэном, с Превером, с Хаусмэном,
А в чайхане однажды, в Душанбе
Со мной Омар Хайям поговорил,
Так сам чайханщик с круглыми плечами¹
С меня и деньги отказался взять за чай:
Ведь есть же люди (их зовут «простые люди»),
Которые прекрасно понимают —
«Поэт поэтов» человечеству важнее,
Чем главначпупс и секретарь ЦК.
Закончить о везении моём
Хотел бы я, сказав об очень важном,
О Женщинах, о чём мемуаристы
Обычно бла-бла-бла сверх всякой меры...
Ага, смотрю – поганец пасть разинул и слюной
Закапал. Пасть закрой! Кина не будет.
На эти темы я не говорю.
Нет, никому я не давал подписку,
Но у меня такие принципы морали.
Поверьте на слово, а то, что я не вру,
Вы поняли, надеюсь. Ну так вот:
Подобных Им вам даже и не снилось.

¹ Слова Есенина из Персидского цикла.

Вот видите, как в жизни мне везло.

2018

Русский поймёт

Н. Б.

В этом счастья даже слишком много,
От его избытка чуть дурной:
В теплый дождь идти лесной дорогой,
Одному – заброшенной дорогой,
Но к тебе, любимая. Домой.

1986

В турпоходе

Н. Б.

Снег съёжился, приговорённый,
Классически-прозрачные леса
Застлали горизонт лиловым дымом.
Два египтянина-грача (из перегнавших
Весну) покашливают, и на них в обтяжку
Трико из перьев цвета чернозёма.

Не заслоняющие солнца облака
Заметны лишь в припадке пессимизма,
Который, как известно, тесно связан
Со скверным знанием календаря.
Весна печальна острым предвкушеньем,
Но для чего заглядывать вперед?

1957

Ныне царствующей королеве русского романа Ирине Крутовой

У нас экран забит шпаной
Сверх неприличия
Одесской, всякой неродной —
До брайтон-бичия.

Нет смысла клички называть:
Сплошь псевдонимчики —
Лолитко-лепсовая рать
Да шуфутинчики.

«Русланова? А это что?
Старозаветное?»
Людмила Зыкина и то
Почти запретное.

Начальству будто невдомёк,
Что русским нравится,
Суёт киркорковый паёк —
Чай, не подавятся.

И всё ж бывает, что порой
Чуть легче дышится,
Хоть на минутку, а родной

Нам голос слышится.

И забываешь про блатняк
И чужебесие,
И сердцу делается так
Легко и весело.

Нет, русский мелос не умрёт
Средь хамства лютого:
Ирина Крутова поёт,
Ирина Крутова!

2018

Сон в Единой Европе

В манере Андрея Галамаги

А с Ивановской Горки, куда я залазаю,
Взяв бутылку перцовки, спастись от московских забот,
Никогда я не видел ни краюшка Азии,
Но зато каждый раз, глянь, Венеция в дымке плывёт.
Ну, а сколько чудес тут с поминками-пьянками!
Хоронили поэта (кого – и припомню едва...)
Перебрав, я заснул меж могил на Ваганьково,
А проснулся на Сент-Женевьев-де-Буа.

2015

Чудо на «бис»

Солнце выплывает из-за поля —
Чудо, чудо, чудо из чудес!
Снимет проявленья всякой боли,
Скуке и тоске пойдёт вразрез.

Скажут мне: «Повтор неинтересен.
Солнце ведь восходит каждый день.
Если ход события известен,
Это, извините, дребедень».

Нет, скажу, и жить тогда не стоит,
Если «только раз сады цветут».
Чудо: знают, что это такое,
Но его всегда с волнением ждут.

Хорошо, что чудо повторимо
И восход всегда чарует нас.
Это словно с женщиной любимой —
Каждый раз – будто в первый раз.

Двое

Алёнушка с восьмого этажа,
Иван-Царевич из десантной части...
Ах, как она красива и свежа,
А он – орёл... Так дай же Бог им счастья!

Коварный Серый Волк, заморский бес,
Ползёт к России, кляца клыками —
Иван-Царевич спустится с небес
И в пасть врагу плеснёт святое пламя.

И пусть Алёнушку пока что достаёт
Кикимора, соседская змеюга,
Иван её, женившись, увезёт
К своим родителям, друзьям и их подругам.

Ещё с Кощеём он поговорит,
И тот останется полнейшим инвалидом,
А Змей-Горынычу такого посулит,
Что тот навеки пропадёт из виду.

Она уверена – Иван ко всем чертям
Разгонит расплодившуюся нечисть.
Ведь он силён, он честен, храбр и прям,
Под самый тяжкий груз подставит плечи.

Алёнушка, на всём твоём веку
Пусть ничего такого не случится,
Хоть ты коня удержишь на скаку,
Пожар погасишь, если загорится.

Не знать бы вам ни бомбы, ни ножа,
Ни ДТП, ни атомной напасти,
Алёнушка с восьмого этажа,
Иван-Царевич из гвардейской части.

2018

Вариация на тему Николая Рубцова

*С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.*

Нет, не избушкой с картин третьяковочных
(Прадедов эти избушки жильё) —
Микрорайоны, безостановочно
Прущие в поле, – вот это моё.

В пятиэтажке скончались родители,
В тесной однушке, одной на двоих,
С самого детства – московские жители,
Тоже моей биографии штрих.

Мимо как еду – всё мама мне чудится,
Машет прощально с балкона рукой;
Жалко мне будет, коль план этот сбудется —
К чёрту хрущобы снести до одной.

Вот обошлось бы хоть с первой высоткою
(Звали её – «Небоскрёб среди полей»);
Встречался я там с черноокой красоткою —
Премьерною девушкой в жизни моей.

Всё это в гены навек мне впиталось —
Многоэтажек стандартных ряды.
Если придётся – я буду без жалости
Биться за них так, как бились деды.

Всё здесь моё, чужакам непонятное:
Новые билдинги и старина,
Непредсказуемо-невероятная
Непостижимая наша страна.

И с колокольней, что, бабкой «партийною»
Полуразрушена, может упасть,
Чувствую личную, чисто семейную,
Нерасторжимую связь.

2018

"Не довелось, я никогда не жил..."

Не довелось, я никогда не жил
Среди Тургеневско-Толстовских декораций,
Но часто, часто приходилось мне взбираться
На Достоевские крутые этажи.

Я, как Есенин, душу строчкой рвал,
Дорога в Клюевских урочищах петляла,
Как дорогá мне «ледяная рябь канала»
И сколько роз я Незнакомкам посылал!

Я шутки с Северянином шутил,
Над Мережковским откровенно насмехался,
Бывая в Лондоне, я Герцена чурался,
Но к Адамовичу в Париже заходил.

Я в Чевенгуре слыл за своего,
Но не знакомы ни Окуров мне, ни Глупов;
На дачах чеховских варёных полутрупов
Бывало мне всегда немножко не того.

...И всюду – бесы. Сколько ж было их!
Но – на бесовских лжекумиров не купился,
От веры в Пушкина ни в чём не отклонился,
Ни в чём, ты слышишь, ни на шаг и ни на миг.

2003

Автопародия

Сто грамм нектара засадил с утра,
Заел амврозией, лёг поперёк дивана.
С богинями всё то же, что вчера:
Венера ластится, но я хочу Диану.

В блокноте пять незавершённых строк,
В буфете три недобитых бутылки,
А в холле приготовлен альпеншток,
Чтоб Троцким продырявливать затылки.

Но не сегодня: Дмитрий Ларин звал
К себе на бал, хоть к середине бала,
Но только чтоб Татьяну не смущал,
Как в прошлый раз, парижским секс-журналом.

Ещё Арины Родионовны внучок
Сказал, что гриб выходит на опушки...
И всё же – пять незавершённых строк,
И всё ж – пора заканчивать «Частушки».

Тем более, что был я приглашён
Их прочитать – и большей чести нету:
Омар Хайям и Франсуа Вийон
Приедут к нам на фестиваль поэтов.

...Нет, к чёрту! От Дианы SMS!

Я от волнения чуть не выронил мобильник:

«Твоя взяла. В меня вселился бес.

Готовь постель. И – водку в холодильник».

2014

Развесёлый триптих

1. Отделение реанимации

– Эх, погладить бы грудь напоследок,
Холодея, коснуться бедра, —
Бормочу, вырываясь из бреда,
И смеются мои доктора:

– Ну даёт! Полутруп с «Камасутрой»!
Ты смотри, не остыл до сих пор;
Ничего, околеет под утро,
Переедет любовничек в морг...

Перееду... Куда ж мне деваться;
По укромной дорожке в кустах
Вдоль жасмина, сирени, акаций
Повезёт санитар второпях.

Санитар! Задержись на минуту,
Сигаретку достань, затянись:
Мне сейчас – это лучше салюта —
Куст жасмина исполнит стриптиз.

Не спеши! Я остыну к рассвету,

Мне всего лишь секунда нужна,
Чтоб в распахнутом вырезе веток,
Словно грудь, колыхнулась луна.

2. Морг

Я и толком помереть не успел —
Санитарка на каталку кладёт
Обшмонала (здесь во всём беспредел),
Повезла меня ногами вперёд.

В морге чистенько, прохладно, светло,
Я глаза скосил, смотрю... Ни фиги!
Ну не может быть, чтоб так повезло:
Вижу рядом своего я врага!

Он, подлец, уже обмыт и побрит,
Он уже в парадной форме, свинья.
Значит, он уже давно здесь лежит,
Значит, он загнулся раньше меня!

Стало весело мне и хорошо,
Ну, а спирту здесь полно – благодать.
Говорю врагу я: на посошок
Надо выпить, растуды твою мать!

Я смеюсь и говорю: наливай!
У него ж от страха зубы стучат.

Ну так, я на ПМЖ еду в рай,
А ему на ПМЖ ехать в ад.

3. Поминки

Я завещаю вам – купите много водки,
Воды, вина (для трезвенников – сок),
Закуски всяческой, но только не селёдки —
При жизни я её терпеть не мог.

Да не забудьте, кстати, про салфетки,
Про штопор – без него нехорошо:
Припомните, как пробки мы нередко
Продавливали внутрь карандашом.

И не пугайтесь никаких конфликтов,
Коль вдруг заявится... Вы поняли меня?
Не грех тогда и в лоб спросить: а ты кто?
Пошёл к чертям! Тут не твоя родня.

И к полночи окончивши попойку,
Посуду вымывши в пристойной тишине,
Не расходитесь, а ложитесь в койки
И всласть натрахайтесь на память обо мне.

Рай

Нине Барановой

Мы с электрички на конечной станции сходим;
Сперва полкилометра по шоссе, потом по шпалам,
И вот он, железнодорожный мост,
Река, об имени которой умолчу,
За речкой – лес, я кланяюсь ему.
Вдоль полотна тропинка – и Врата.

Нет, не ворота и не вход, а именно – Врата
(Сказать «ворота в Рай», по-мойму неприлично).
Едва заметная тропинка в лес уходит,
Но это на обыденном, на плоском языке,
Ну, а вообще-то это Райские Врата.
Я б их нашёл с повязкой на глазах,
Сюда полвека мы входили много раз,
Осознавая каждый раз – священный миг,
Мы из обыденности здесь переступаем
Через порог невидимый туда,
Где всё иное, всё невероятно,
Волшебно всё. А если кратко – Рай.

...Забавно, как-то я разговорился
С одним шикарно разодетым господином,
И тот сказал, что, мол, недавно был в раю.

Я удивился. Он спросил высокомерно:

«Вы знаете ли, что такое рай?

Не знаете? Так знайте же – Европа.

И я в кафе над Средиземным морем,

Бутылка кьянти, пицца, ну, и телефон,

Он зазвонит сейчас, и жгучая брюнетка

Мне скажет по-английски точный час

И номер комнаты в отеле, что для нас

На этот вечер станет сексодромом,

И мы взлетим над койкой прямо в небо.

Полет наш будет длиться до тех пор,

Пока брюнетка мне не проворкует

«Ориведерчи, русо». Вот теперь

Вы понимаете, что значит слово рай»...

...Другой случайный встречный в самолёте

Мне излагал свою трактовку рая:

«Он длится несколько минут – зато каких

Мгновений! – ты читаешь в интернете

В сегодняшнем, в последнем курсе акций:

Ты угадал, ты победил, и деньги —

Такие деньги! – выиграл, ты выиграл, восторг!

А конкуренты – лузеры, в убытке,

Да не в каком-нибудь, а по уши в дерьме!

Вот это рай! Ты винер, а не лузер!

Ты в шоколаде, а враги твои – в дерьме!

Тот, кто вдыхал вот этот аромат

Победы денежной, победы в смертной гонке,

Лишь тот и знает, что такое рай!»

Какие жалкие людишки, боже мой!
У нас в Раю, по графику сезона,
Полыню пахнет, разогретою сосной,
Землёй, болотом, прелою листвою,
Цветущей липой, ландышами, дымом,
Разнообразной и неповторимой гаммой
Грибных невероятных ароматов,
Не то, что ваш отель или бордель
И даже биржа где-нибудь в Нью-Йорке.

У нас в Раю и ельник, и сосняк,
Ивняк, осинник, березняк, орешник,
Черёмухи полно, калина над ручьём,
А ведь калину (знаете ли вы?)
Весь мир признал красивейшим растением
На конкурсе по линии ООН.
Ещё у нас мощнейшие дубы
Остались на опушке от дубравы,
Которая когда-то здесь была,
Пока цивилизация не влезла.
Подлесок здешний тоже первый класс —
Лещина, бересклет и волчье лыко.
Ещё мы очень любим можжевельник
(Я помню, при придурке Горбачёве
Мы из него пытались делать джин).
...А что за птичий рай у нас в Раю!
Колоратурных соловьёв мы ездим слушать
Сюда весной – до ягод и грибов.

А жаворонок! А кукушкин счёт —
Он обнадёживает, а порой пугает...

...Наш Рай — не то что рай того козла,
Что пьёт вино над Средиземным морем;
Он сколько дал, так то и получил.
У нас же Рай от денег независим:
Господь решал, куда кренится год —
Зальют дожди, болото от жары
Почти что высохнет, и сколько волн опять
Пройдёт за лето, Золотая осень
Во всём великолепии развернётся,
А может быть увянуть поспешит.
Но каждый день, но каждый месяц, год
Палитра красок будет здесь, в Раю, иная:
Прозрачность воздуха и неба синева,
И кодеры тумана по утрам,
И оклик журавлей из поднебесья...

Ещё один секрет у нас в Раю —
Он полноцветен, полнозвучен лишь тогда,
Когда мы в нём, Любимая, с тобою.
Когда же я ходил туда один,
Был этот рай, конечно, тоже рай,
Но только рай неполный, половинный.
Ну, скажем, я, найдя роскошный гриб,
Хотел было позвать тебя — взгляни,
Порадуйся изысканному чуду,
Но — оклик в горле застревал, и так сто раз,

При каждой радости в добыче иль пейзаже,
При каждой встрече с зайцем и лисой,
С лосиным стадом, стайкою зорянок,
С гусиным клином или чем-нибудь ещё;
Ну, например, когда престольный праздник
В селе за речкой – благовест во храме
И к небу воспаряется душа,
И сожаленья лишь о том, что я один...

Зато как было дома хорошо
Рассказывать тебе об этих встречах,
Тем самым Рай немного приближая,
Сказать иначе – продлевая Рай,
Хоть на чуть-чуть, но всё же продлевая.

...Фома неверующий может нам сказать:
«Как мог быть рай? Загажено, небось,
И вам лишь чудилось, что было всё прекрасно...»
Конечно, кое-что, вполне возможно,
Мы там, в Раю у нас, не замечали,
Ну, например, бутылки из-под водки;
Они встречались, и нередко, только мы
Воспринимали их как некий сорт поганок,

Генетиками выведенный сорт.
Наш Рай, скажу я вам, вполне реален,
Он, по-научному сказать, есть треугольник
Меж двух железных грузовых дорог
И речкой, имя чьё не назову.

И в треугольник этот невозможно въехать
Ни мерседесом, даже и ни джипом,
И потому шашлычной нету здесь шпаны.
Ещё скажу – речные берега
Здесь большей частью – топкое болото,
Где дачникам купаться несподручно,
Зато на север и на запад от села
Находятся прекрасные озёра
И берега у них – сплошной песок,
И то ли пять, а может шесть пансионатов
С шикарнейшим ассортиментом вин,
Таким же, как на Средиземном море,
А выбор девок даже не сравнить:
Некрашенных блондинок там полно,
А жгучие брюнетки аж со скидкой.
Вот почему наш Рай и уцелел.
Ну да, конечно, по большому счёту
Он обречён, да нам-то... Нам уже
Господь готовит Рай (мы точно знаем)
По образцу того, что был у нас —
За железнодорожной станцией, где мы
Сходили, предвкушая счастье, с электрички.

2018

Воспоминание о встрече с великим драматургом

Когда я был Островскому представлен,
Я, видимо, понравился ему,
И он сказал тогда: «Вот было б славно
Вам погулять по веку моему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.